Говорят, что нет ничего быстрее света, чем сказанное слово, и ничего, что распространяется быстрее лесного пожара, как слух, особенно если это были плохие новости. Поскольку в событиях перед обедом в тот судьбоносный день участвовала, вероятно, самая популярная пара в Хогвартсе и даже самый известный молодой волшебник, скорость распространения этих новостей была намного быстрее, чем обычно. В течение нескольких минут после деяния Министерства весь замок знал, что Гарри Поттер и Гермиона Грейнджер утратили свою магию и теперь не являются частью волшебного мира, и до обеда той ночью большая часть волшебного мира знала через сов и дымоход. .

Неудивительно, что эмоции варьировались от шока от тяжелого положения двух подростков до головокружения от счастья, и, естественно, в основном они были разделены домами. Гриффиндорцы явно были в ярости; Гарри и Гермиона были любимыми членами в основном из-за их дружелюбия и их услужливого характера, когда дело касалось новых учеников. Они были кандидатами на должности старост в любое время, не только из-за того, что Гарри был известен, но и просто из-за его популярности как хорошего парня. Гермиона была любима всеми и всеми из-за ее способности помогать по дому и ее желания выявить лучшее в своих друзьях и, как правило, в Гриффиндоре.

Домам Рейвенкло и Хаффлпаффа тоже не понравилось, как бесцеремонно бросили Гарри и Гермиону. Их негодование, однако, сдерживалось здоровой дозой осторожности в отношении действий против министра и его власти, а также тем фактом, что Статут о секретности действительно полностью оправдывал министерство. Однако это не означало, что им нравилась ситуация; они просто не высказывали своего мнения, предпочитая молча жевать и извлекать из этого события как можно больше уроков.

Студенты, наиболее довольные результатом, были из Слизерина; но даже там некоторые жители сожалели о потере мальчика-спасителя. Те, кто принадлежал к нейтральным семьям или гордился своим происхождением, хотели поддержать члена Древнего и Благородного Дома Поттеров, но, к сожалению, не смогли этого сделать. Чувства большинства в Слитерне всегда были известны, и идти против господствующего настроения вовсе не способствовало благополучию человека, если он был частью этого факультета. Мало кто из студентов не смотрел с гордостью на репутацию своего факультета и особенно на действия таких людей, как Малфой, Крэбб, Гойл, Паркинсон, Нотт и даже Флинт; люди, которые были известны, но не признаны членами семьи пожирателей смерти. Присутствие Гарри Поттера в замке действительно вызывало враждебность среди таких студентов, и хотя их декан Снейп ничего не делал, чтобы пресечь такие ссоры, само присутствие «Мальчика-Который-Выжил» давало всем чувство безопасности, и он действительно предоставил его в первые два года, даже если он не был обязан это делать. Да, некоторые из слизеринцев действительно боялись своей участи в волшебном мире теперь, когда их спасителя больше не допускали к ним.

Тем не менее, тот, кто больше всего пострадал от этого интеллекта, был некий Рон Уизли; его первой реакцией было недоверие. Непоколебимая вера Рона в авторитеты, управляющие волшебным миром, и в авторитет директора школы была поколеблена до основания. Он помнил предостережение Гарри от такой слепой веры, даже Гермиону время от времени наказывал черноволосый мальчик, но такое серьезное доказательство было чем-то, с чем четырнадцатилетний рыжеволосый не мог справиться. Вспыхнула искра счастья от того, что наконец-то освободился от омрачающего присутствие Гарри и оставил свой собственный след, что-то такое, что, несмотря ни на что, Рон никогда не мог преодолеть, но почти сразу же было

подавлено непреодолимым ужасом потери помощи Гермионы в получении через его классы.

Рон знал, что его приоритеты неверны; ему следовало стоять плечом к плечу с лучшими друзьями вопреки властям и не думать о собственной утрате или приобретении, но опять же он не был известен своим тактом. Рон всегда измерял вещи в единицах, которые приносили бы ему пользу, а потеря Гарри и Гермионы из его жизни означала, что он будет в еще большем убытке, и это его не устраивало. Он хотел славы и признания от своих братьев, но он также знал, что у него не было их находчивости, чтобы добиться этого в одиночку. Столкнувшись с пугающей перспективой прожить оставшиеся годы без колоссальной помощи Гермионы в его учебе или долгожданной дружбы и поддержки Гарри, Рон, наконец, смирился с переоценкой своих перспектив, и это действительно было пугающей перспективой. В каком бы направлении он ни смотрел,

За пределами замка, в некоторых домах, и особенно в тех, которые принадлежали людям, которые считали себя лучше других, исходя из своего кровного статуса, разразились празднования. Энтузиазм, проявленный участниками, не уступал веселью в тот день, когда малыш Гарри Поттер победил темного лорда Волан-де-Морта. Торжества в то время были настолько открытыми, что волшебники и ведьмы даже забывали о секретности, но на этот раз это было в основном тайно, и были приглашены только близкие доверенные друзья. В конце концов, празднование в память о падении чемпиона света было праздником не для приличного общества, а только для тех, кто заинтересован в возрождении темного лорда и движения чистокровных. Если их хозяин был жив, Пожиратели смерти ничего не могли сделать, но надежда на нового лидера все еще теплилась, и эта надежда сильно усилилась после известия об утрате магии в «Гарри Поттере»; и когда очень немногие, кто был посвящен в продолжающееся существование темного лорда, поделились этой новостью с остальными, празднеству не было предела.

Волшебный мир в целом был шокирован, но, как и в любом обществе, никто не смог высказать свои возражения против Министерства. Какова была бы реакция масс на потерю своего спасителя, если бы тот факт, что ужасный темный лорд не был мертв, был общеизвестен, можно было только догадываться. Учитывая тот факт, что никто не знал о значительной роли, которую Гарри Поттер должен будет сыграть в окончательном поражении Лорда Волан-де-Морта, реакция на шокирующий поворот событий вскоре уменьшилась и, наконец, перестала быть темой сплетен и, к сожалению, была понижена до до простой сноски в современной истории магии.

Вещи никогда не бывают такими, какими кажутся, и это было как нельзя более верно, чем в случае с Гарри Поттером и Гермионой Грейнджер.

Общая сила, которую он не знает

Тем временем заклинание, предназначенное для удаления воспоминаний о трех Грейнджерах и Гарри Поттере, начало необычным образом действовать на двух подростков. Однако в Дэне и Эмме Грейнджер это сработало так, как должно было; они сразу упали, когда « забвение' подействовало и начало стирать воспоминания более чем за три года, большинство из которых были восхитительными. Родители новоиспеченной ведьмы были в восторге, получив долгожданное известие о том, что то, что коснулось их дочери, было не каким-то несчастьем,

которого следует опасаться, а каким-то божьим даром, который нужно беречь, и они так и поступали, особенно когда узнали, что их дочь обрела счастье в дружба одного Гарри Поттера. Однако теперь, в их бессознательном состоянии, все воспоминания и счастье, связанные с их обычно замкнутой дочерью, были потеряны для них и никогда не вернутся. Если бы это произошло, они бы никогда не узнали свет жизни своей дочери, Гарри Поттера.

В то время как черный пес по кличке Снаффлс, сбежавший из Хогвартса, с тревогой наблюдал за двумя подростками, происходило что-то драматическое. В двух подростках, которые были главными целями махинаций Министерства, событие, которое очень хорошо изменило бы весь ход истории, было разблокировано благодаря заклинанию стирания памяти.

Гермиона открыла глаза и обнаружила, что лежит на кафельном полу в неизвестном месте, тайна этого места становится еще более зловещей из-за густого тумана. Поспешно поднявшись на ноги, она начала паниковать из-за надвигающегося присутствия темной фигуры, которая выглядела как человек и беспорядочно двигалась к ней, как будто человек не был уверен, что движется вслепую в тумане. Как только охватившая его паника исчезла, как только Гермиона смогла « почувствовать », кем был этот человек, «Гарри!» — осторожно позвала она.

Облегчение нахлынуло на обоих подростков, когда они быстро обнялись, наслаждаясь чувством безопасности и счастья даже в неизвестном месте. Пока они были вместе, все остальное не имело значения.

"Есть идеи, где мы находимся?" Гарри задал ослепляюще очевидный вопрос, но получил подтверждение от своей девушки, что они полностью потерялись.

Прежде чем они смогли сориентироваться или даже сформулировать план действий, их отвлекла вспышка чистого белого света, которая, казалось, рассеяла туман, но все еще заслоняла большую часть вещей вокруг них из-за своей интенсивности. Гарри и Гермиона с трепетом посмотрели на свет, но опять же безмятежность и ощущение того, что они находятся в присутствии «добра», не были потеряны для них. Медленно, но верно интенсивность света тускнела, но на этот раз это было из-за высокого человека, который двигался к онемевшим подросткам. С их позиции человек был окутан ореолом света, что придавало ему внешний вид, как если бы они смотрели на небесное существо.

Когда человек, наконец, приблизился к двум подросткам, они, наконец, смогли различить, что это определенно был мужчина, но такого, какого они не видели на земле. Мужчина был полностью одет в белое, и то небольшое количество кожи, которое было видно на его лице, было также покрыто серебристыми волосами. Пока Гарри и Гермиона грелись в присутствии мужчины, их осенило: «Я знаю тебя!» — выпалили они одновременно и в шоке.

"Мои дети!" — просиял создатель и заключил двух подростков в нежные объятия.

Присутствие дарителя жизни успокоило страхи пары и их замешательство, но это длилось всего несколько драгоценных мгновений, прежде чем воспоминания и события вспыхнули в их сознании. События, заставившие время повернуться вспять, стереть все, что произошло через

несколько лет, события, которые даже с точки зрения стороннего наблюдателя причинили Гарри и Гермионе приступ боли и укол вины. Осознавая ужасы, которые должны были произойти, если бы событиям было позволено продолжаться, как в предыдущей временной шкале, двое подростков были благодарны за то, что они могли бы лучше подготовиться, зная, что должно произойти.

Даже в их восторге от гораздо лучшей жизни реальность их положения сильно ударила по Гарри. Обычно он не слишком беспокоился бы о том, что на первый взгляд могло показаться его смертью, но из-за того, что рядом с ним была Гермиона, его гнев затуманил его вновь обретенный рациональный разум.

Отскочив от создателя, он сжал кулаки и заревел: «Как ты мог? последний раз."

Гермиона тоже была в ужасе от их положения. В конце концов, ей удалось заполучить парня своей мечты, который, как она была уверена, однажды станет ее мужем, и теперь все было разорвано. Даже в панике рациональный разум Гермионы был лучше, чем у Гарри. «Не может быть так плохо, Гарри. Мы в присутствии создателя, все не может быть так плохо», — пыталась рассуждать она, отчаянно подавляя собственное отчаяние.

«Знаешь, она права», — сардонически произнес создатель.

Голос захлестнул его, смирив его, в то время как мириады эмоций промелькнули на его лице. Тревога при мысли о том, что он не сможет наслаждаться жизнью с Гермионой, злость на себя за несправедливый порыв, наконец, раскаяние, явно написанное на его лице как извинение. Гермиона, которая в это время встала рядом с Гарри, заключила его в нежные объятия, предлагая ему свое понимание, сочувствие и надежду на будущее. Двое подростков купались в чувстве завершенности, которое они всегда ощущали в присутствии друг друга, но только на этот раз и в присутствии сияющего создателя оно было более глубоким и значимым.

Дав паре время прийти в себя, создатель обратил их внимание на причину, которая привела Гарри и Гермиону, или, по крайней мере, их сознание в царство, которое не было ни смертным, ни небесным. «Я могу понять причину, которая вызвала у тебя крайний гнев, Гарри Поттер. Но ты должен помнить, что это причина твоих изменений».

Успокоенный присутствием Гермионы, Гарри не мог не заинтриговаться причинами потери ими магии, но более того, расцвела надежда, что они смогут что-то извлечь из этой ситуации. Если не для себя, то хотя бы для Гермионы; другого выхода не было, должно было быть что-то значимое для нее из их нынешнего затруднительного положения.

Увидев взгляд отчаяния, боровшегося с пробуждающейся надеждой, творец вздохнул. Он никогда не мог злиться на Гарри Поттера и Гермиону Грейнджер, даже если они действовали по отношению к нему с упреком. Их гнев был оправдан, но он все еще был творцом, но сейчас было не время злорадствовать, вместо этого пришло время помочь своим защитникам осознать свое предназначение и через них принести пользу миру в целом: «Магия должна была разделить одаренных и достойных людей от других, будь то люди или любой другой вид. Я

намеревался помочь другим нуждающимся, а если придет время, защитить других от зла. Если те, кто обладает магией, сами стали злыми, то что нужно было, чтобы зло?"

Это был вопрос, на который ни Гарри, ни Гермиона не могли ответить; они даже не были уверены, должны ли они попытаться ответить, но дебаты стали неуместными, когда создатель продолжил: «Я единственный, кто мог вмешаться и устранить угрозу мирной жизни; но я также осознал большую опасность, связанную с к моей невнимательности. Вот почему я выбрал вас обоих, чтобы выполнять мои приказы на земле, и для этого вам нужна сила, чтобы уменьшить опасности, исходящие от самих пользователей магии.

«Какие силы?» Гарри не мог удержаться от недоверчивого вопроса: «Мы так же сильны, как магглы, против пользователей магии. Даже если мы сейчас живы, без магии мы не протянем ни секунды во время боя».

«Неужели ты так мало думаешь обо мне, что я отправлю тебя в неравный бой?» — мягко предупредил создатель, раздраженно вздохнув. «Чтобы победить, вы должны обладать большей силой, чем ваши противники».

Увидев восторженные лица пары, он добродушно рассмеялся и продолжил: «Помнишь пророчество, связавшее тебя с Томом Риддлом?»

Хотя ни Гарри, ни Гермиона никогда не слышали о пророчестве, которое связывало Гарри с Волан-де-Мортом, знание о существовании пророчества и его содержании, которое было общеизвестным для них в далеком будущем, пришло им в голову. « … и Темный Лорд отметит его как равного себе, но у него будет сила, которой Темный Лорд не знает… » и Гарри, и Гермиона задохнулись от шока и благоговения.

— …но… но какое мне до этого дело? — с трепетом спросила пышноволосая брюнетка. Гарри недоверчиво смотрел на нее, его воспоминания говорили ему о неоспоримой роли, которую Гермиона сыграла в победе над темным лордом, но его собственные невысказанные никому эмоции говорили ему гораздо больше, говорили ему, что это из-за Гермионы,… для Гермионы это было ему удалось победить Волдеморта. Гермиона сделала возможным, сознательно или неосознанно, избавиться от напасти. «В конце концов, Дамблдор был прав, любовь — это сила, способная уничтожить самое могущественное зло…»

Из-за их уникальной связи эти мысли дали о себе знать самой умной ведьме ее возраста, и Гермиона по понятным причинам была потрясена. Она всегда думала, что Гарри был тем, кто мог победить Волдеморта; она знала о чувствах, которые Гарри испытывал к ней, но неоспоримый факт, что она была всем для своего парня, причиной даже того, чтобы выжить, был унизительным. На ее глаза навернулись слезы; она плакала от боли, через которую Гарри пришлось пройти в обеих своих жизнях, и от боли, которую непреднамеренно причинила ему другая Гермиона. Гарри понял; он позволил ей выплакать свое разочарование и боль, чтобы теперь они могли начать свою жизнь с чистым сердцем и совестью. Никогда еще связь между ними не была сильнее, чем в тот момент, когда они поняли, что их жизни действительно переплетены, главным образом из-за любви, которую они разделяли.

Создатель встряхнулся и тонко откашлялся, чтобы привлечь внимание двух подростков, ему было что сказать: «Если вы хотите изменить мир, у вас должно быть то, чего нет ни у одного смертного. чемпионы, но в то же время вы настолько близки к моему воплощению на земле, насколько это возможно. Вы сделаете работу по победе над злом, известным как Лорд Волан-де-Морт, вместо меня».

Гарри и Гермиона были поражены заявлением создателя; никогда за миллион лет они не думали, что будут способны на подвиги, недоступные простым смертным, и по мере того, как им объясняли о дарованной им силе и обо всем, что с ней связано, их опасения росли. Это была очень сложная задача — справиться с такой силой и не ошибиться.

Словно отвечая на их невысказанные опасения, создатель заговорил: «Абсолютная власть развращает абсолютно, и даже самый сознательный из людей не может устоять перед очарованием такой силы. Вот почему вы были вынуждены разделить душу, вы оба являетесь воплощением добра и морали, но будучи голосом разума друг для друга, ваши решения и действия в конечном итоге будут на благо человечества».

— Я думал, речь идет о победе над Лордом Волан-де-Мортом? — спросил Гарри.

Создатель подтвердил мысль кивком головы: «Волдеморт, хотя и всего один человек, имеет достаточно влияния, в основном запугивания, чтобы контролировать действия даже самых простых людей. Даже если они никоим образом не были вовлечены в управление волшебным миром, любые решения или действия, сделанные под принуждением, никогда не способствуют миру во всем мире Устраните угрозу Волдеморта, и даже если вы не будете вмешиваться в Министерство, способные люди поведут мир к лучшему будущему. ."

Гарри вздохнул с облегчением. У него не было иллюзии величия; он всегда хотел мирной жизни вдали от дурной славы, и он также был уверен, что Гермиона не подтолкнет его к тому, чтобы стать подставным лицом. Если бы она хотела участвовать в управлении волшебным миром, то он поддержал бы ее, но эта жизнь была не для него. Гермиона взглянула на него с искренней благодарностью; она знала, что Гарри никогда не любил славу, но в то же время была готова предоставить ей место в центре внимания. Не многие бы так поступили. Обняв его сокрушительным объятием, Гермиона горячо поблагодарила его, и прежде чем она успела заняться каким-либо приятным занятием ртом, ее прервал создатель.

«Вы будете работать, пока вы вместе, и поэтому я заставил все повернуться так, чтобы вы никогда не расставались друг с другом».

— Что значит заставил нас вместе, что ты сделал? Гермиона взвизгнула, ее негодование заставило ее преодолеть свою естественную сдержанность в присутствии авторитетных фигур.

"Как вы думаете, почему вы вместе вошли в подсознательное состояние? Как вы оказались вместе на этом плане, если на то пошло, как вы помнили друг друга даже после забвения?" Когда от пары не последовало ни слова из-за того, что их рты были открыты в недоумении, создатель продолжил: «Обычно каждый человек индивидуален, и даже с помощью магии он не

может слышать мысли других или общаться без слов. Это возможно только с помощью древней магии. само время, магия настолько чистая, что считается даже сильнее любого закона, созданного человеком».

«Когда ты имеешь в виду общую душу, значит ли это, что мы женаты?» — воскликнула Гермиона с явным волнением в голосе. Когда нестареющий мужчина кивнул в знак согласия, Гермиона повернулась к Гарри и ухмыльнулась: «Для меня это не составляет труда». Гарри не соизволил ей ответить; он просто схватил ее губы в обжигающем поцелуе в ответ.

Когда момент начал превращаться во что-то, что следует делать только за закрытыми дверями, создатель насильно разделил их с дразнящей ухмылкой на лице. «Теперь, пока вы не увлеклись и не зачали своего первого ребенка прямо здесь…»

Его прервал смущенный писк Гермионы, лицо которой уже покраснело; Ситуация с Гарри не слишком отличалась, но у него также была раскалывающаяся улыбка. Гермиона мягко предупредила своего парня: «Гарри! Мы еще не готовы к этому». Даже щенячье выражение лица Гарри не заставило девушку с густыми волосами оторваться от своей стойки; оба они знали, однако, что они даже не думали о том, чтобы сделать этот шаг, по крайней мере, в течение нескольких лет, желательно, пока они не поженятся.

«Ну, прежде чем вы уйдете и отпразднуете…», — не удержался создатель и поддразнил пару, которая все еще находилась на том этапе, когда любой намек на их отношения вызывал яростный румянец, «…самое главное, что вы должны помнить, это то, что вы может изменить событие только в том случае, если об этом знали очень немногие люди, предпочтительно только вы двое, или если изменения, вызванные этим событием, не были настолько радикальными, чтобы о нем стало широко известно…»

Тут Гермиона перебила свой энтузиазм познания: «Я думала, что самое главное, чтобы никто не видел, особенно ты сам».

Создатель фыркнул в шутливом раздражении: «…Я очень долго готовил эту речь, мне не откажут. Как я уже говорил, исключение из вышеприведенного правила состоит в том, что даже если о происшествии знает много людей, это может быть изменено, если это новое изменение, организованное вами, не будет известно большому количеству людей».

Конечно, это была загадка, но Гарри и Гермиона смогли понять тонкий намек на то, какое событие можно было бы обратить вспять первым. Волнение охватило Гермиону, так как это было близко ее сердцу, и она так рвалась уйти, что почти забыла о своем предыдущем возражении. Создатель должен был напомнить ей: «У вас есть что-то, что сделает невидимой прогулку в парке».

Намек не мог бы быть шире, если бы их били по голове, но их замешательство по этому поводу также легко разрешилось следующими словами: «Ваши вещи, которые были взяты в министерство, были сданы на хранение и тут же забыты. взял на себя смелость вернуть их вам; я позаботился о том, чтобы их не пропустили».

К настоящему времени пара ерзала, чтобы уйти, и создатель попросил их уйти с прощальным комментарием: «Помните! Благоразумие — это мантра…»

Гарри и Гермиона едва успели обнять создателя в знак благодарности, прежде чем они вернулись в свое сознательное состояние. Произошедшего толчка было достаточно, чтобы черный пёс у ног Гарри с тревогой посмотрел на двух полусонных подростков и, несмотря на надежду, надеялся, что он не потеряет того, кто был для него почти как сын. Гарри и Гермиона не обращали внимания ни на что другое, кроме собственного счастья, не из-за огромной и почти богоподобной силы, которой они располагали, а из-за того, что они были вместе на всю жизнь и теперь были мужем и женой.

Только тогда пара поняла, что уже почти стемнело, и они проголодались после пропущенного обеда, однако они не могли останавливаться на этом, так как были другие вещи, которые должны были иметь приоритет. Произошла ошибка, требующая исправления. Кроме того, такое общественное место, как вокзал, не было идеальным местом для бурной дискуссии, которая обязательно привлекла бы внимание.

Пока Гермиона открывала сундук Гарри и бесцеремонно рылась в нем, Гарри встал на колени перед Снаффлзом и крепко обнял его. Пытаясь остановить поток слез, он выдавил: «Слава богу, ты в безопасности, Сириус!» Триумфальный крик Гермионы дал Гарри возможность незаметно вытереть слезы и усмехнуться над выражением собачьей морды: — Мы тебе все объясним, только не делай глупостей вроде убегания от нас. Мы вернемся. момент."

Было забавно видеть, как расширились глаза собаки при приветствии, то ли от удивления, то ли от опасения, неизвестно. Тем более, что Гарри и Гермиона исчезли под мантией-невидимкой всего на секунду или две, прежде чем снова ее сдернуть.

"Это сработало?" — с трепетом спросила Гермиона.

Гарри только пожал плечами: «Только один способ узнать…» Гарри мягко помахал открытой ладонью перед лицом Дэна Грейнджера, как будто он рассеивал туман на зеркале, в то время как Гермиона сделала то же самое для своей матери.

Старшие Грейнджеры проснулись от вызванного чарами сна, опасаясь того, что они увидят, открыв глаза, но испытали огромное облегчение, увидев лицо своей дочери, которая тоже выглядела обеспокоенной.

— Гермиона! Что случилось?.. Дэн только начал быстро тонуть в крике тревоги Эммы.

Она тут же схватила двух подростков в объятия и начала бормотать: «Я помню, что Министерство пыталось стереть наши воспоминания…» — широко раскрыв глаза в тревоге.

— …Как я это помню… — вмешался Дэн.

Эмма еще не закончила: «…Как я помню Гарри?»

Они закончили вместе: «…Что происходит?»

Гарри мог только рассмеяться от облегчения, в то время как Гермиона чуть не станцевала джигу прямо перед толпой пассажиров, выходящих со станции Кингс-Кросс, крича: «Это сработало… это сработало…»

Снисходительно улыбнувшись ей, Гарри повернулся к Дэну: — Сэр, все, безусловно, сложно, и в таком общественном месте, как это, мы бы не хотели открывать банку с червями. Гермиона все еще танцевала свой счастливый танец, но оба ее родителя только смотрели на нее с нескрываемым весельем, не привыкшие видеть такое беззаботное отношение в обычно серьезной девушке. Гарри, безусловно, имел очень положительный эффект, и они оба были согласны, что сделают все, что в их силах, чтобы так и осталось. Гарри оставалось заключить Гермиону в такие же бурные объятия и успокоить ее, чтобы они могли отправиться в дом Грейнджер в Кроули.

Их воссоединение было прервано новым, но долгожданным прибытием. "Дядя Муни!" — воскликнул Гарри, прежде чем обнять мужчину, едва обвив его.

У Люпина, с другой стороны, не было проблем с тем, чтобы поднять подростка на руки, это был скорее шок от того, что Гарри назвал его именем, известным лишь очень немногим людям, чем что-либо еще, что побудило его поднять Гарри полностью с ног. Теперь, когда удивление от неожиданного приветствия рассеялось, его разум заполонили вопросы: «Откуда ты знаешь мое другое имя, Гарри? В таком случае, почему это выглядит так, как будто все четверо сохранили свои воспоминания?»

«Профессор Люпин, сейчас неподходящее время и не место для этого обсуждения. Более того, как вы нас нашли и почему вас нет в школе?» Гермиона задала свой вопрос. Она знала, что они могут доверить Ремусу свои жизни и секреты, в конце концов, он умер, пытаясь защитить Гарри в последней временной шкале, но не была уверена, кто еще мог знать, что Ремус пришел их искать. Если бы министр и его прихвостень знали, где их искать, это могло бы стать проблемой.

Осторожно опустив Гарри и подойдя к Снаффлсу, Люпин объяснил свое поспешное удаление из замка: «Я считаю, что условия в волшебном мире не очень благоприятны для любого, кто каким-либо образом связан с Гарри Поттером и Гермионой Грейнджер или кто это делает. у меня нет благословения Министерства. Я чувствовал, что мадам Амбридж что-то замышляет против меня, и поэтому воспользовался первой возможностью, чтобы уйти в отставку. Директор Дамблдор сказал мне, где вас найти, надеюсь, я не мешаю… — он неуверенно замолчал. своего приема.

Дэн, который был заинтригован событиями, приведшими их к такому повороту событий, был в бешенстве, уезжая к ним домой из-за секретности, которую это обеспечивало для предстоящей дискуссии. В то же время он знал о письмах Гермионы, восхвалявших этого человека, и, хотя

он был одет в скромную одежду, которая свидетельствовала о явной нехватке денег, он был готов позволить Люпину сопровождать их. Приветствие Гарри как дяди и вера в человека также склонили чашу весов и приветствовали мужчину: «Не беспокойтесь об этом, мистер Люпин, я уверен, что дети оценят кого-то, кто является другом и знает больше о магия».

Хотя Гарри и Гермиона знали, что в этом случае Ремус и Сириус будут совершенно не в их силах, дополнительные палочки, безусловно, будут полезны на случай, если вызовет Министерство. — Нам нужно как можно скорее переехать в поместье Поттеров, — прошептал Гарри Гермионе.

"Ага!" она признала: «Гринготтс завтра». Гарри нежно сжал ее руку, чтобы выразить свое согласие.

Дэн направился к таксопарку, чтобы нанять такси, чтобы отвезти их домой, но вместо этого Гермиона отвезла их в пустынный переулок. Схватив родителей, она попыталась их успокоить: «Мама, папа, я отвезу нас в наш дом, а Гарри пойдет за нами с Ремусом и Снаффлзом. Этот путь намного быстрее».

Когда Дэн и Эмма согласились, Гермиона взяла Эмму за руку, а другую протянула, чтобы положить на плечо Гарри, который, в свою очередь, обеими руками прижимал к себе Снаффлза. Одной рукой сжимая жену, Дэн протянул другую руку, чтобы схватить Люпина. Это произошло так быстро, что поспешное замечание Люпина: «Гермиона! Ты не можешь творить магию...» было прервано на середине предложения, когда они исчезли без единого звука, и когда он узнал, что они уже были на заднем дворе загородного дома, и что они не аппарировать, — повернулся он к Гарри, — ... это не видение, что происходит? — спросил он.

Гарри просто успокаивающе положил руку на руку своего суррогатного дяди, заставляя его замолчать: «Пожалуйста, позвольте нам войти внутрь и обсудить это. Гермиона и я голодны, и я уверен, что то же самое с мистером и миссис Грейнджер, поскольку мы пропустили обед, пожалуйста, давайте проходи внутрь."

Когда к столу принесли наскоро приготовленные бутерброды, Гарри предупредил взрослых в зале: «Послушайте, все, пожалуйста, ведите себя прилично. То, что мы собираемся вам сказать, может показаться недоверчивым, но это все правда, и, сэр, пожалуйста, не торопитесь... — попросил он Дэна, прежде чем повернуться к собаке, сопровождавшей их, — ... Сириус, пожалуйста, переоденься.

Появление перепачканного человека вместо черной собаки было шокирующим, но что пугало старших Грейнджеров, так это то, что этот человек был беглым каторжником, чье лицо было заклеено во всех новостях. Прежде чем они успели среагировать, Гарри бросился на мужчину и обнял его, по его лицу текли слезы, и он был всего на долю секунды быстрее, чем Гермиона, которая подражала ему. Сириус был ошеломлен не только ситуацией, в которой он оказался, но и тем, как легко и охотно приняли его крестника и его крестницу. Он представлял себе множество различных сценариев встречи с Гарри, но даже не смел надеяться на такое изобилие.

Гарри и Гермиону осторожно отвел от ошеломленного мужчины не менее торжественный Ремус Люпин, который мужественно обнял его одной рукой. Сморщив нос от вони, исходящей от изможденного человека, Люпин взмахнул палочкой, но Гарри остановил его: «Мы не хотим сообщать Министерству, что в доме Гермионы есть маг. Это место наверняка находится под контролем Министерства». следите за использованием магии несовершеннолетними, и теперь, если магия использовалась после того, как они поверили, что она потеряла свою магию, они массово снизойдут, чего мы не хотим».

Когда Люпин понял логику аргумента Гарри и убрал свою палочку, Гарри и Гермиона несколькими взмахами рук очистили сбежавшего каторжника. Это не заменит хорошую ванну, но пока этого достаточно. Слезы вытерлись, и снова все заняли свои места за столом и стали раскладывать скромную посуду, которая должна была пока хватить. Это будет очень длинная ночь, когда два подростка будут объяснять причины уникального поворота событий, начиная с визита создателя в их подсознание, рассказа о своей предыдущей жизни, которая причиняла душевную боль всем участникам, и, наконец, их особый вид магии, которая охраняла воспоминания Дэна и Эммы Грейнджер, что-то, что сыграет важную роль в избавлении мира от зла в ближайшем будущем.

Пересказ событий будет прерываться много раз, даны объяснения и предложены уникальные точки зрения, чтобы убедить слушателей в серьезности ситуации, с которой они столкнутся чуть меньше чем через год, когда Лорд Волан-де-Морт воскреснет. Смерть Сириуса и Ремуса также вызвала слезы у Гарри, который всегда винил себя, даже если логически знал, что не может контролировать естественный ход времени. Рассказ об испытаниях и невзгодах, с которыми столкнулись Гарри и Гермиона в их предыдущей жизни, о том, что им пришлось сделать, чтобы победить зло только для того, чтобы окончательно потерять друг друга, убедил взрослых в необходимости взять на себя активную роль в доведении войны до конца. конец, как только это стало возможным, и чтобы пара выжила, чтобы прожить вместе всю жизнь. В заключении рассказа далеко за полночь, взрослые не могли не завидовать тому, что Гарри и Гермионе придется провести остаток ночи вместе. Не то чтобы они могли остановить их, но даже Дэн должен был, наконец, признать, что его дочь по-настоящему замужем и вполне счастлива тому, что она тоже.

Даже если история казалась слишком фантастической, огромная сила, которую двое подростков проявили, чтобы защитить Дэна и Эмму Грейнджер, была по меньшей мере поразительной. Это, а также безоговорочное доверие к дочери, а также к зятю, убедили их в том, что события утра действительно имели место.

Ранее

Как только Гермиона издала торжествующий крик, найдя его мантию-невидимку, Гарри оставил своего крестного отца, который все еще был в своей анимагической форме собаки, и присоединился к ней. Гермиона набросила на них плащ, но прежде чем они успели даже подумать об уходе, Гарри внезапно пришла в голову мысль.

Сосредоточенно закрыв глаза, Гарри взмахнул открытой рукой в быстром махающем жесте, едва касаясь мантии, когда она засветилась ярко-красным от его прикосновения. "Ага!" — воскликнул он. — Мне всегда было интересно, как Дамблдор и Грюм нашли меня под этим

плащом, который должен был быть «плащом истинной невидимости».

— Отслеживающие чары, — с отвращением согласилась Гермиона, — неудивительно, что ты всегда был у него под пятой. Это было сказано, пока ее рука скользила по плащу перед ними, чтобы снять следящее заклинание. Теперь, когда они были изгнаны из волшебного мира, она была полна решимости не допускать, чтобы к ней приближался кто-либо из этого мира, даже не вмешиваясь, а благонамеренные директора школ.

Теперь, когда они были полностью невидимы даже для самих себя, пара напомнила себе о том, что они должны были сделать. Гарри сжал жену в объятиях, крепких, но не сдавливающих, и позволив себе быть с ней «одним целым», уводя их обоих в прошлое… Ровно на восемь часов в прошлое, когда было десять утра.

Их прибытие было без фанфар и чьего-либо ведома, и, поскольку теперь они использовали «Плащ Истинной Невидимости», они действительно были невидимы для всех. Они могли видеть буйного министра, входящего в больничное крыло в сопровождении свиты авроров и сотрудников Хогвартса, угрюмо следовавших за ним.

« Помни, нас никто не увидит, даже мы сами… » Гермиона послала мысленное сообщение Гарри.

« Да, но это только в первый раз, и это тоже, поскольку наши прошлые «я» не знают об этой силе, которая у нас есть сейчас, с этого момента и впредь это не беспокоит… » - ответил он.

« Как было бы чудесно, если бы мы вдвоем бегали вокруг… и чтобы те, кто знает о нас, увидели бы… » Гермиона хихикнула в его голове.

Их внимание быстро переключилось на конфронтацию, которая происходила между директором школы и министром Фаджем, и, поскольку они знали, что должно пройти несколько минут, прежде чем дело пойдет дальше, Гарри и Гермиона не торопились, чтобы оценить чувства тех, кто находились в больничном крыле. Они с удовлетворением отметили, что профессора Дамблдор, МакГонагалл, Люпин и мадам Помфри были искренне огорчены судьбой, которая им предстояла. Такого же мнения были и министерские авроры: юная розововолосая аврорша, которую они знали как Нимфадору Тонкс, даже в то время сомневалась в виновности своего кузена Сириуса Блэка. Что их, однако, забавляло, так это бушующие эмоции Тонкс, когда она увидела Ремуса Люпина, увлечение, похоть и желание боролись с искренней заботой о состоянии этого человека. Гарри и Гермиона считали, что эти эмоции легли в основу взаимопонимания, которое в конце концов переросло в любовь; и заставил женщину уговорить сопротивляющегося мужчину наконец жениться на ней.

Министр и его старший заместитель Амбридж также были очень откровенны. Жадность к своим позициям боролась с ненавистью к Гарри и Гермионе, но в конце концов превратилась в триумф за избавление от них двоих из волшебного мира. Что их удивило, так это сожаление, бушующее в ненавистном профессоре зелий Снейпе. Снейп искренне сожалел о непреднамеренной роли, которую он сыграл в убийстве своего лучшего друга и той, кого он

считал близкой ему, как сестру, Лили Поттер. Гарри был свободен ненавидеть своего бывшего профессора, поскольку сожаление Снейпа распространялось только на смерть Лили, и все мучения, которые Гарри пришлось вынести от его рук, были ошибочной попыткой укрепить Гарри, чтобы он встал перед Лордом Волан-де-Мортом. Гарри и Гермиона не стали тратить свои симпатии на этого человека.

Быстро приближалось время, когда Шеклболт наложил на них заклинание, изменяющее память, поэтому пара быстро слилась со своими «я» из прошлого. Хотя внешне они выглядели спокойными, внутри их разума Гарри и Гермиона были комком нервов. Все это было для них ново и в то же время многое зависело от исхода их первой попытки исправить прошлое.

Когда « забвение » проклятия устремилось к ним, два подростка снова объединили свои разумы. Не было никакого причудливого плетения палочек или слов, произнесенных на латыни, только чистая воля, и пара пожелала , чтобы время замедлилось. Они могли видеть, как оранжевое проклятие, которое мчалось к ним, резко замедлялось, и двое подростков действительно могли видеть, почему проклятие было оранжевого цвета. Он состоял из двух отдельных частей: идеального сочетания заклинания красного цвета, изменяющего память, и заклинания, вызывающего сон желтого цвета.

— Это очень полезная сила… — взволнованно заговорила Гермиона; до сих пор она могла только читать о компонентах заклинания, и буквально увидеть их своими глазами было сбывшейся мечтой для девушки с густыми волосами.

Гарри бросил на нее взгляд с притворным недоверием. — Даже когда мы сталкиваемся с угрозой потери наших воспоминаний, ты хочешь проанализировать заклинание… — добродушно проворчал он. Каковы бы ни были обстоятельства, он никогда не мог помешать жене узнавать новое, да и не хотел; вот почему он любил ее. Он не мог отрицать, что именно огромные знания и интеллект Гермионы не раз спасали им жизнь, и за это он был бесконечно благодарен.

В то время как Гермиона ответила мужу, высунув язык, Гарри руками осторожно выдернул изменяющую память часть заклинания « забвение », позволив ему рассеяться в его руках, но позволив « омнусу » сделать свою работу. Когда естественный ход времени был восстановлен, Гарри и Гермиона вместе с ее родителями погрузились в сон без сновидений; хотя это было навязано им, это было очень кстати для четверых.

http://tl.rulate.ru/book/74868/2106220